

Ци Жун Юэ подняла брови и бесстрашно посмотрела на Чу Ляня. В глубине ее глаз была слабая улыбка, которая казалась мягкой, но была похожа на острый меч, который мог пронзить человеческую кожу и добраться до сердца.

- Что хочет услышать император? - спросила она тихим голосом.

В сердце Чу Ляня, казалось, вонзилась заноза, отчего ему стало очень неловко:

- Как бы то ни было, пока речь идет о восстании хоу Чжэна, ты можешь говорить об этом.

- Ничтожная я всего лишь врач. Я знаю только медицинские навыки и не имею понятия о текущих делах династии. У меня действительно были хорошие отношения с Чжэн шицзы. Но так было раньше. С тех пор как император даровал мне брак, я и семья Чжэн потеряли всякий контакт. Мы не имели никаких отношений друг с другом с тех пор, как хоу Чжэн покинул столицу и больше не возвращался.

- Давай поговорим о событиях, случившихся до того, как я даровал тебе брак. Такой большой заговор не произойдет в одночасье. У восставших должен был быть долгосрочный и подробный план.

Ци Жун Юэ покачала головой:

- Отвечаю императору: хотя ничтожная я и Чжэн шицзы состояли в отношениях, выходит, мы были знакомы не настолько хорошо, чтобы он стал рассказывать мне всё. Если бы я была важна для него, позволил бы он мне остаться в Цзинду? Как он мог оставить свою женщину в опасности?

Ее слова звучали разумно, но Чу Лянь почему-то не верил ни единому ее слову.

- Поскольку ты решила молчать, у тебя не так много времени на ошибку. Иди и заberi ее с собой.

Его равнодушный голос прозвучал в ухе Ци Жун Юэ, и в нем чувствовалось что-то знакомое. Как и в прошлый раз, когда она была Чу Тянью, он также использовал такое безразличие с жестоким тоном, чтобы приказать дворцовым стражам убить ее.

Она не молила о пощаде, выражение ее лица было спокойным, и она равнодушно повернулась и ушла с телохранителем.

Уже у самых дверей Чу Лянь сказал ей в спину:

- Если передумаешь, пошли кого-нибудь сообщить мне в любое время.

Она не издала ни звука и даже ни на миг не замедлила шаг, постепенно исчезнув из поля зрения Чу Ляня.

В тюрьме было темно и сыро. В начале зимы в Цзинду стояла очень холодная погода. Человеку необходимо было укрыться толстым одеялом на ночь, чтобы уснуть. Но в тюрьме нет ни толстого стеганого одеяла, ни даже соломенной циновки.

Вместо того чтобы получить особый уход, Ци Жун Юэ поместили в камеру, где уже жили трое заключенных.

Послеполуденное солнце проникало через единственные три отверстия в стене и падало на грязную и промерзлую землю. В углу, свернувшись калачиком, сидели три женщины. Они были в лохмотьях и жутко воняли, их волосы были сухими и растрепанными, совсем как у нищих, продающих цветы снаружи.

Как только тюремщик и императорский стражник, сопровождавшие ее сюда, ушли, мужчины из соседней камеры подняли шум.

- Послушайте, такую красивую девушку тоже посадили в тюрьму. Похоже, что наш новый император действительно человек, который не знает, что такое жалость.

- Если бы он знал, что такое жалость, у него родилась бы не только принцесса Тяньсинь, но и несколько сыновей, которые стали бы бороться за трон.

- Не думаю, что он на это способен, иначе как могла такая маленькая красавица вляпаться в это?

- Заткнись, с первого взгляда заметно, что эта девушка не дворцовая служанка. Попасть сюда нелегко, а её даже посадили в тюрьму. Либо она заключенная во дворце, либо повторно попала на преступлении. Только что эти императорские охранники были так вежливы с ней. Думаю, она скоро выйдет отсюда. Тебе не стоит говорить глупости. Будь осторожен, или она передаст императору то, что ты сказал, чтобы ты мог умереть страшной смертью.

У Ци Жун Юэ не было сил, чтобы отвечать на эти скучные слова. Но, услышав последнюю фразу, она не могла не посмотреть на говорившего мужчину. На противоположной стороне также было темно. Было видно, что люди в камере дрожат, но она не могла ясно разглядеть лицо говорившего.